

Key words: spirit, responsibility, duty, morality, law, state.

УДК 101.1

Пронякин В. И.

доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры философии
Днепропетровского национального университета
имени Олеся Гончара (Днепропетровск, Украина)
E-mail: vladimir-pronyakin@rambler.ru

РЕДУКЦИОНИЗМ КОГНИТИВНЫХ УСТАНОВОК И УНИВЕРСАЛИСТСКИЙ ИДЕАЛ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКИ

Аннотация. Рассмотрены методологические и мировоззренческие корреляции антропных и универалистских установок научного мышления в постнеклассическую эпоху.

Ключевые слова: наука, рациональность, когнитивное мышление, антропный принцип, объективизм, редукционизм, универсализм.

В числе важнейших задач сознающей свою гносеологическую ответственность науки всегда находилось принципиальное цензурирование антропоморфных смысловых импликаций, привносимых в состав знания «субъективным фактором». Редукция антропоморфизма (шире: антропологизма) – извечный и неустранимый мотив всякой натуралистической методологии и (условно) идеологии: ведь объективность считается одним из весомейших критериев научности миропонимания. Уже к концу XX века стало ясно, что многовековая борьба ученых за «чистоту» объективизма так и не увенчалась сколь-нибудь значительным успехом: антропный когнитивный коррелят сохраняет свой эпистемный status quo; в самосознании современной науки этим обстоятельством генерируется интенсивное проблемное поле.

Одну из причин неустранимости антропных производных из состава суждений о мире можно назвать «метафизической», она восходит к первосущим (архетипичным) свойствам когнитивной деятельности: природа знания исключает возможность выведения какого-либо смысла из действительности, каковой она есть «сама по себе»; познавательное мироотношение конституирует, но не эксплицирует смысл (в качестве предметного, онтологически заданного «предсуществования» смысл актуализируется в сакральном мироотношении). Нет необходимости специально здесь доказывать, что любое, самое «объективное» знание лишь тогда является именно знанием, когда его содержательная сторона имплантирована в семиотический (семантический) контекст, т. е. *о-смыслена*. Этот антропный аспект производства знания в общем-то не был откровением для философии. По мнению М. К. Мамардашвили, в истории европейского мышления антропный принцип наиболее четко был сформулирован Декартом: последний указывал на присутствие в сознании особых непосредственно данных о целом, к которым мы могли бы прийти, лишь проделав бесконечное множество познавательных шагов. «А они каким-то образом даны непосредственно. Но этого не было бы, если бы мир не был устроен определенным образом, т. е. если бы мир был устроен по-другому, акт локальной данности целого был бы невозможен» [6, с. 113]. В конечном счете, оказывается, что и человек, и его знания о мире составляют необходимые аспекты мироустройства¹.

Еще одной причиной, определяющей невозможность полной элиминации антропных смылосодержащих элементов из состава знания, является когнитивная (в широком смысле слова – эпистемная, в более узком – инструментальная) слитность

¹ Понимание законов мира – есть элемент мира, законы которого понимаются, – отмечал М. К. Мамардашвили [см.: 3, с. 69].

субъекта с объектом в акте познания. В XX веке антропный когнитивный имплицит вторгся в научные «картины» мира со стороны ревниво охраняемой «внутренней территории» науки – со стороны результатов наблюдения и эксперимента; самая жесткая цензура объективизма, оберегавшая реалистическую «автохтонность» науки, оказалась не в состоянии воспрепятствовать этому вторжению. И если после формулировки Н. Бором принципа дополнительности объективизм еще сохранял универсальный установочный статус, – ведь боровский принцип касался влияния инструментальных условий на результат познаний в частной, как тогда казалось, сфере: в области микромира, – то применение антропного принципа в космологии², хотя и в «принудительном порядке», но все же засвидетельствовало признание наукой значимости «субъективного фактора». Оказалось, что выстроить последовательную иерархию «объективной» реальности невозможно в принципе: процессы, происходящие в микромире, так или иначе преломляются в глобальных («Вселенских») макро- и мегапроцессах.

Современному естествознанию открылась не только невыразимость мира в универсальной структурной иерархии, но и невозможность описания его в линейных параметрах последовательно-упорядоченной причинной связности: наука стала опираться в основном на статистические познавательные принципы. И потому вполне объяснимым представляется происшедший во второй половине XX века фундаментальный пересмотр отношения к миру, когда разрушается образ Великого Администратора, «направляющего движение каждого атома по заданной траектории», и в комплексе представлений о мире все более прочно утверждается образ Великого Наблюдателя, без участия которого не может начаться ни один процесс [1, с. 56]. Очень важно отдавать себе отчет в том, что «потребность» в «наблюдателе» имеет онтологическую (а не логическую или эпистемологическую) природу, она обусловлена не *осознанием* невозможности линейных описаний реальности, а *самим фактом* такой невозможности. В том, что в природе реально существуют диссипативные структуры, нет логической необходимости, пишут, в частности, И. Пригожин и И. Стенгерс. Однако один непреложный «космологический факт» состоит в том, что условием существования «наблюдателей» во Вселенной является ее «неравновесность». Понимание этого факта имеет отношение не к «логической или эпистемологической истине, а относится к нашему состоянию макроскопических существ в сильно неравновесном мире» [4, с. 372].

Этот (онтологический) аспект рефлексии антропологического мироприсутствия, осмыслен, кстати, самим естествознанием. Как напоминают нам И. Пригожин и И. Стенгерс, уже Ньютон в своей полемике с Лейбницем (через Кларка) утверждал, что «каждое спонтанное действие человека или какого-нибудь живого существа, привносит в наш мир *новое движение*, необъяснимое в терминах сохранения причин в их действиях» [5, с. 43].

Что касается эпистемного (философско-теоретического) аспекта сложившейся ситуации, то он, на наш взгляд, наиболее емко отражен в формулировке М. К. Мармашавили: «Мы вообще бы не могли иметь дело с миром, который полностью исчерпывался своими причинно-следственными связями. ... Если я получил в результате исследования такой мир, который явно исключает меня самого, значит, исследование было неправильно» [6, с. 113].

«Невоспроизводимость» современным научным знанием процессов устройства порядка в мире приводит к довольно радикальным оценкам: «Статистическая физика – это капитуляция науки перед многообразной сложностью мироздания»; наука производит «параллельный миру реальному мир научных гипотез, нигде с реаль-

² Напомним наиболее простое выражение антропного принципа: параметры фундаментальных физических и космологических констант есть простое следствие из условия наблюдаемости Вселенной разумными существами; процессы, управляемые константами, имеющими другие параметры, протекают «без свидетелей».

ным миром не пересекающийся» [8, с. 18-19].

Речь, конечно же, идет о вечной драме рационального познания: его конечной целью является мыслительная реконструкция мира как универсума – во всей полноте его многообразия; но результатом оказываются «партикулярно-представительские» модели этого мира. Но это единственное, чего только и может достичь наука. Дальнейшая перспектива ее, скорее всего, такова: «... современная научная рациональность, если брать ее достаточно развитые и сложные формы, может адекватно реализовываться только как открытая рациональность, на высоте возможностей рационально-рефлексивного сознания» [10, с. 104].

Конечно, и в такой, радикально продвинутой в сторону открытости, рациональности, сохраняется эпистемная значимость объективности как неизбывной ценности знания; однако и научной теории и философии науки необходимо будет с предельной тщательностью отслеживать смысловую (рациональную и, возможно, символическую) проективную инерцию антропогенного (прежде всего – культурно-коммуникативного) происхождения; главным образом эта необходимость станет настойчиво о себе заявлять в той познавательной области, где осуществляются интерпретативные процедуры, где наука решает задачи систематизации знания, где, в конечном счете, познание предполагает (в силу своей «открытости», «проективности») развернуться в футурологическом концептуальном горизонте событийного должествования, т. е. где оно продемонстрирует намерение обратиться к метафизической проблематике. Главной задачей здесь, наверное, будет не редукция антропологизма, а глубокое, всестороннее рефлексивное осмысление того, насколько «модельный», партикулярный, аспектный характер теоретического знания способен стать репрезентантом универсального, системно-целостного, конструктивно-упорядоченного мироохвата³.

В составе такой рефлексии должно будет реализовываться настолько многостороннее содержание, что трудно даже спрогнозировать, какими окажутся возможные экспликации, ведь в них актуализируются не только чисто когнитивные производные, но и производные от аргументов социо-культурного плана, а также и те, которые коррелируются факторами индивидуальной психологии, личной судьбы, ценностных ориентаций и т. д. того или иного ученого. Невозможно вообще представить, чем должен быть аналитический и вычислительный «аппарат» интеграции всех коррелирующих факторов, какое чудовищное число входящих параметров должно быть им «просчитано», чтобы на выходе информационного канала можно было бы получить статистически измеримое (вероятностно достоверное) знание о состоянии протекающих в мире процессов!

Напряженность ситуации, очевидно, будет усиливаться, когда наряду с задачей достижения объективности (стремясь осуществить принцип реализма) наука продолжает усилия в направлении выработки универсальных системно-конструктивных концептов (в направлении поиска, так сказать, «конечных» причин). Ситуация сложна в особенности тем, что в статистический статус возведена ныне не только «натуральная» онтология, но и эпистемная методология: не только в физическом мире, но и в средствах его познания не существует специально выделенной приоритетной системы отсчета, «привязавшись» к которой, можно было бы уверенно эксплицировать объективное системное содержание.

Теоретические дискуссии, развернувшиеся в современной научной и философской литературе вокруг проблемы детерминизма и пространственно-временной структуры мега-, макро- и микромира, наглядно подтверждают сказанное. Создается впечатление, что общепризнанной стала точка зрения, согласно которой нелинейность как фундаментальная характеристика процессуальных параметров

³ Проблема «аспектности» рефлексивного (априорного) знания в современной философской литературе составляет предмет специального рассмотрения. См. об этом, в частн.: [9, с. 165-170].

физического мира образует ныне «концептуальный узел новой парадигмы»; развитие через неустойчивость, замена детерминизма нестабильностью – вот основные идеи, направляющие современный научный поиск [2, с. 9,13]. Так или иначе, концепт хаотичности, неустойчивости, как фигурант «новой парадигмы», устанавливающей (в тенденции, предположении, намерении теоретиков) ту самую, специально выделенную приоритетную систему отсчета⁴, пусть и с серьезными оговорками, принимается вполне серьезно, о чем, в частности, свидетельствует получившая в последние десятилетия XX века широкая популярность трудов наиболее продвинутых пропагандистов экспликата «порядка из хаоса», уже не раз упоминавшихся здесь бельгийских ученых И. Пригожина и И. Стенгерс. Эти авторы не исключают детерминизма в принципе; они считают, что существует возможность дополнительности детерминизма и признания случайного (необратимость появляется на теоретическом уровне «при переходе к статистическим описаниям» [см. об этом: 7, с. 108,145]). Однако эта дополнительность проявляет себя как своеобразная дескриптивная маргинальность: то, что предстает нашему взгляду, пишут Пригожин и Стенгерс, есть описание, промежуточное между двумя противоположными картинками – миром детерминизма и миром чистых событий. «Реальный мир управляется не детерминистскими законами, равно и не абсолютной случайностью» [4, с. 262]. Из этого вытекает и статистичность проективных заключений науки: «В промежуточном описании физические законы приводят к новой форме познаваемости, выражаемой несводимыми вероятностными представлениями. Ассоциируемые теперь с неустойчивостью, будь то неустойчивость на микроскопическом или макроскопическом уровнях, несводимые вероятностные представления оперируют с возможностью событий, но не сводят реальное индивидуальное событие к выводимому, предсказуемому следствию» [4, с. 262].

Существуют, конечно, и такие точки зрения, согласно которым неклассическое видение мира современной физикой может быть вписано в парадигму традиционного когнитивного универсализма. Условием реализации подобных проектов считается создание так называемой «теории всего» или «теории всего на свете», или «ТВС», на базе объединения двух фундаментальных теорий, определивших магистральные пути науки XX века: квантовой механики и общей теории относительности. Как считает С. Хокинг, классическая ТВС претендует на то, чтобы постичь замыслы Бога, т. е. «достичь фундаментального уровня описания, исходя из которого все явления (по крайней мере, в принципе) можно было бы вывести детерминистским способом» [см.: 4, с. 262].

Остается все же очевидным, что даже при условии реализации проекта ТВС научная рациональность привнесет в систему знания когнитивную *модель*, но не *универсальную онтологию* реальности, и дело даже не в том, что физико-математическими параметрами четырех фундаментальных взаимодействий не исчерпывается полнота состава бытия; каким бы всеохватным масштабом не обладала научно-реалистическая дескрипция мира, в описании физически измеряемых взаимодействий не могут быть отражены ни мотивационные, ни топологические характеристики тех «спонтанных действий живых существ», которые привносят в мир импульсы недетерминированных (механически недетерминированных) движений (о чем писал в свое время Лейбницу Кларк). И, по-видимому, в познавательных формах «несводимых вероятностных представлений» вряд ли будут достижимы не только статистически-прогностические выкладки, проективно описывающие событийную сторону

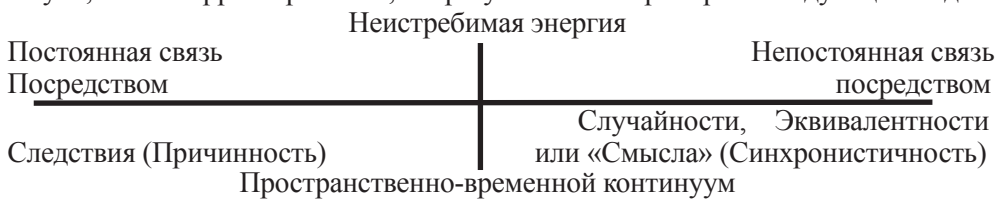
⁴ Конвенция статистичности современного научного знания «не отменяет» попыток ученых «отыскать» такую систему. К этим попыткам их подвигает, кстати, и мотивация чисто логического характера, а именно: требования закона достаточного основания. Данное обстоятельство, на наш взгляд, свидетельствует о том, что фундаментальные основы классического стиля мышления и классической методологии сохраняют определенную значимость для постнеклассической науки.

этих движений, но и определение их возможной направленности.

О том, что это действительно так, можно судить, исходя из оценки результатов неоднократно предпринимавшихся в XX веке попыток составить «унитарные» версии миропонимания, в которых преодолевалась бы традиционная для редукционистского знания «несоизмеримость» наблюдаемого и наблюдающего. Одна из таких попыток представлена знаменитой концепцией «синхронистичности», разработанной К. Г. Юнгом. Понимая под синхронистичностью «одновременное возникновение двух событий, связанных не причинно, а по смыслу», швейцарский ученый полагал, что введение в топологию бытия этой смысловой связующей координаты позволит выработать действительно универсальную «картину мира». Благодаря принципу синхронистичности, считал Юнг, в наше знание природы входит новый, «психоидный» фактор, (т. е. , в терминологии Юнга, «смысл а priori, или эквивалентности»), а вся концептуальная схема мировидения (соединяющая физическое и психоидное) «соответствует, с одной стороны, постулатам современной физики, а с другой – постулатам психологии» [11, с. 301].

В конструктивно-организующей «унитарной» топологии бытия Юнг предлагает расположить – в порядке дополнительности – триаду классической физики (пространство – время – причинность) и «фактор синхронистичности», размещая пространство и время на вертикальной, а причинность и синхронистичность – на горизонтальной осях координат. Значение такой топологии трудно переоценить: именно в ее структуре отражается возможность сочетаемости физического и психоидного факторов. Похоже, сам автор этой конструкции знал ее истинную цену: идея синхронистичности, писал он, не скрывая от читателя свое приподнятое чувство настоящего открытия, «с присущим ей качеством смысла создает ошарашивающе-непредставимую картину мира [11, с. 299].

После апробации свой схемы, научным экспертом которой был не кто иной, как В. Паули, Юнг скорректировал ее, и в результате она приобрела следующий вид:

Именно эта схема, по замыслу Юнга, и отвечает условиям соответствия системы миропредставления «постулатам физики и постулатам психологии». Трудно не высказать удивления и искреннего уважения перед этим поразительным проявлением креативной энергетики человеческого духа, которое воплощено в юнгианской концепции синхронистичности. В истории научной мысли немного найдется концептуальных разработок, в которых настолько тщательно и непринужденно «сочетаются» несоизмеримые и несовместимые – с реалистической точки зрения – смысловые константы.

И все же следует констатировать относительность («локальность», «модельность») унитаризма синхронистичности как интегративной идеи. Несмотря на то, что онтологические построения Юнга «прозрачны» для самых невообразимых (опять же – в реалистическом миропредставлении) родов гетерогенности, полиморфизма, эквивалентности и проч., цензурное право контролировать конечные пределы допустимости фундаментальных напряжений сохраняет в его системе свою когнитивно-рационалистическую подоплеку. Психоидный фактор «упорядоченности по смыслу» Юнг привязывает, в чем он и сам признается, к *физической* топологии бытия, и более того, обосновывает эту привязку компаративно-корреляционной гомогенностью физических параметров бытия и синхронистичности. Можно, следовательно, сказать, что хотя концепция синхронистичности и продвигает науку к «унитарному» видению мира (Юнг чрезвычайно щепетилен в вопросах смысловой

ассимиляции когнитивных, сакральных, оккультных, символических и пр. артефактов), она несет на себе вполне просматриваемые следы методологического редукционизма, доктринально утверждающего невозможность поступиться принципами логически допустимой достоверности.

Итак, мы видим, что и в постклассическую эпоху наука отзывается на редукционистские эпистемные мотивации, пусть и не всегда очевидные – в целях «очищения» состава знания от антропных смыслообразований. Вряд ли сейчас возможно установить, сохранится ли такое положение в будущем, или напротив, подвижки унитаризма отгеснят в неактуальную область мотивации локального плана. Ясно одно: достоверность знания, какими бы средствами она ни достигалась, всегда будет составлять для науки непреходящую ценность.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ:

1. Интервью с С. П. Курдюмовым // *Вопр. философии.* – 1991. – № 6. – С. 53-57.
2. Князева Е. Н. Синергетика как новое мировидение: диалог с И. Пригожиным / Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов // *Вопр. философии.* – 1992. – № 12. – С. 3-20.
3. Мамардашвили М. К. Классический и неклассический идеалы рациональности / М. К. Мамардашвили. – Тбилиси, Мецниереба, 1984. – 81 с.
4. Пригожин И. Время, хаос, квант / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М.: Прогресс, 1994. – 266 с.
5. Пригожин И. Порядок из хаоса / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М.: Прогресс, 1986. – 432 с.
6. Сознание – это парадоксальность, к которой невозможно привыкнуть. Интервью с М. К. Мамардашвили // *Вопр. философии.* – 1989. – № 7. – С. 112-118.
7. Сокулер З. А. Спор о детерминизме во французской философской литературе / З. А. Сокулер // *Вопр. философии.* 1993. № 2. – С. 140-147.
8. Тварчелидзе А. Г. Мераб Мамардашвили и современная физика / А. Г. Тварчелидзе // *Вопр. философии.* – 1991. – № 5. – С. 17-19.
9. Хюбнер К. Рефлексия и саморефлексия метафизики / К. Хюбнер // *Вопр. философии.* – 1993. – № 7. – С. 165-170.
10. Швырев В. С. Рациональность как ценность культуры / В. С. Швырев // *Вопр. философии.* – 1992. – № 6. – С. 91-105.
11. Юнг К. Г. Синхроничность: акаузальный объединяющий принцип / К. Г. Юнг // *Синхроничность.* – М.: Рефл-бук; К.: Ваклер, 1997. – С. 195-307.

REFERENCES:

1. Interv'yu s S. P. Kurdyumovym // *Vopr. filosofii.* – 1991. – № 6. – S. 53-57.
2. Knyazeva E. N., Kurdyumov S. P. Sinergetika kak novoe mirovidenie: dialog s I. Prigozhinym // *Vopr. filosofii.* – 1992. – № 12. – S. 3-20.
3. Mamardashvili M. K. Klassicheskiy i neklassicheskiy idealy ratsional'nosti. – Tbilisi, Metsniereba, 1984. – 81 s.
4. Prigozhin I., Stengers I. Vremya, khaos, kvant. – M.: Progress, 1994. – 266 s.
5. Prigozhin I., Stengers I. Poryadok iz khaosa. – M.: Progress, 1986. – 432 s.
6. Soznanie – eto paradoksal'nost', k kotoroy nevozmozhno privyknut'. Interv'yu s M. K. Mamardashvili // *Vopr. filosofii.* – 1989. – № 7. – S. 112-118.
7. Sokuler Z. A. Spor o determinizme vo frantsuzskoy filosofskoy literature // *Vopr. filosofii.* 1993. № 2. – S. 140-147.
8. Tvarchelidze A. G. Merab Mamardashvili i sovremennaya fizika // *Vopr. filosofii.* – 1991. – № 5. – S. 17-19.
9. Khyubner K. Refleksiya i samorefleksiya metafiziki // *Vopr. filosofii.* – 1993. – № 7. – S. 165-170.
10. Shvyrev V. S. Ratsional'nost' kak tsennost' kul'tury // *Vopr. filosofii.* – 1992. – № 6. – S. 91-105.
11. Yung K. G. Sinkhronistichnost': akauzal'nyy ob'edinyayushchiy printsip // *Sinkhronistichnost'.* – M.: Refl-buk; K.: Vakler, 1997. – S. 195-307.

Пронякін В. І., доктор філософських наук, професор, професор кафедри філософії Дніпропетровського національного університету імені Олеся Гончара (Дніпропетровськ, Україна), E-mail: vladimir-pronyakin@rambler. ru

Редукціонізм когнітивних установок та універсалістський ідеал постнекласичної науки

Анотація. Розглянуті методологічні і світоглядні кореляції антропних та універсалістських установок наукового мислення в постнекласичну епоху.

Ключові слова: наука, раціональність, когнітивне мислення, антропний принцип, об'єктивізм, редукціонізм, універсалізм.

Pronyakin V. I., doctor of philosophical sciences, full professor of the Department of philosophy Oles Honchar Dnipropetrovsk National University (Dnepropetrovsk, Ukraine), E-mail: vladimir-pronyakin@rambler.ru

Reductionism cognitive attitudes and universal concept of the ideal of post-non-classic science

Abstract. Dealt with methodological and conceptual correlation between anthropic and universalistic installations of scientific thinking in the post-non-classic epoch. It is shown that the post-non-classic age of science responds to reductionism's cognitive motivation (if not always obvious) in order to cleanse the whole knowledge of anthropic inclusions. Now it is not possible to decide whether such a situation in the future, or on the contrary, motivation using unitary in irrelevant motivation of local area plan. One thing is clear: the veracity of knowledge, whatever means it is achieved, will always be for the science of long-lasting value.

Key words: science, rationality, cognitive thinking, the anthropic principle, objectivism, reductionism, universalism.

УДК 1 (091)

Шталович О. М.

кандидат філософських наук,
доцент кафедри філософії

Дніпропетровського національного університету
імені Олеса Гончара

(Дніпропетровськ, Україна),
E-mail: visnukDNU@i.ua

ЕКСПЛІКАЦІЯ ПЛАТОНІВСЬКОГО РОЗУМІННЯ СІМ'Ї

Анотація. У статті есплікується платонічна концепція сім'ї в сакральньо-символічному вимірі. Ключовим для розуміння сім'ї в платонізмі є поняття ієрофанії. На матеріалах платонівських діалогів «Федр», «Бенкет», «Держава», «Закони» відзначено, що платонізм накладає сотеріологічний відбиток на сприйняття сім'ї та шлюбу. Спасіння в платонізмі можливе через особисту або колективну вкоріненість у Благо, сакральньо-символічний шлюб душі чи спільноти душ з Благом. Обидва виявлених аспекти чітко проглядаються і в творчості християнських платоніків.

Ключові слова: платонізм, сім'я, шлюб, символізм, містика, любов.

Платонівське розуміння сім'ї є неоднозначним і, на перший погляд, не піддається цілісній інтерпретації. Остання обставина пов'язана з тим, що у Платона поряд з оспівуванням ідеалу безшлюбності в «Бенкеті», зустрічається постулювання ідеальних форм шлюбу в «Державі» і прискіплива регламентація сімейно-шлюбної сфери в «Законах», з якими вельми проблематично з'єднати еротоманію, представлену в «Федрі».

Прояснення соціальних чи метафізичних підстав платонічної концепції сім'ї не вирішує зазначених труднощів. В якості прикладів з дослідницької літератури наведемо позиції В. Асмуса і В. Віндельбанда. Так, перший підкреслює, що постулат спільності дружин і дітей в утопії Платона відіграє надзвичайно важливу роль для досягнення вищої форми єдності в державі, так як спільність надбання, відсутність особистої власності унеможливує виникнення майнових позовів і взаємних звинувачень [1, с. 147-148]. В. Віндельбанд звертає увагу на те, що у Платона все приватне визначається доцільним зв'язком цілого, тому навіть у ви-